

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

УДК 94(5)

А. З. Карташян

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МИЛЛЕТОВ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

На Ближнем Востоке, известном своей полиэтничностью и поликонфессиональностью, часто возникают острые конфликты на национальной и религиозной почве. Разработанные модели и методы разрешения конфликтов иногда оправдывают поставленные перед собой задачи, а иногда не дают никаких результатов. Учитывая сложившуюся политическую ситуацию, для более продуктивной разработки моделей нужно изучать системы, которые применялись при управлении многонациональным и многоконфессиональным регионом в исторической ретроспективе.

В Османской империи, которая в том числе частично охватывала и территорию Ближнего Востока, как в типичном исламском государстве, исходя из традиционных отношений *зимми*¹, в первой половине XV в. применялась система миллетов², чтобы

Карташян Анаит Завеновна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
e-mail: anahitkartashyan@yahoo.com

¹ Известно, что согласно исламской традиции, мир делится на две части — «территория ислама» (*дар ал-ислам*) и «территория войны» (*дар ал-харб*). Те территории, которые находились под контролем мусульман, считались *дар ал-ислам*, а остальные территории — *дар ал-харб*. В *дар ал-исламе* жизнь иноверцев регулировалась тремя договорами. *Аман* (أمان) — гарантия безопасности, которую мусульманин дает врагу, обычно немусульманину [1, с. 20]. *Сулх* (صلح) — мирный договор, заключавшийся мусульманами с жителями завоеванных областей: условия договора, заключенного с городом, касались всей страны или подчиненной городу округи. Обычно упоминается гарантия неприкосновенности жизни и имущества, сохранности церквей и городских стен при условии соблюдения обязательств уплаты джизии или хараджа, помощи мусульманам в военных действиях, предоставления им ночлега и пропитания в течение трех дней [1, с. 213]. И *ахд* (عهد) — договор о защите, покровительстве. *Ахд* с иноверцами должен составляться так, чтобы по его условиям мусульмане не были вынуждены поступиться чем-либо из религиозных заповедей и не оказались бы во власти иноверцев. Так, один из древнейших видов политического договора — подчинение и защита (*ахд аз-зимма*) — может быть заключен только между мусульманами как стороной защищающей и христианами или другими иноверцами как стороной подчиняющейся (*ахл аз-зимма*) [1, с. 26–27].

² Слово миллет — millet (в арабском millah — ملة) в Коране встречается пятнадцать раз и означает религию, религиозное общество, вероисповедание, конфессию. А в современном персидском и турецком языках оно означает народ, нацию. В османском языке это слово стало термином, который обозначал религиозные общества Османской империи (православные греки, армяне, евреи) [2, р. 81]. (Подробнее см. так же: [3, р. 69–74].)

укрепить и сохранить стабильность многонациональной и многоконфессиональной империи. Система миллетов была создана не османскими правителями. Подобные обособленные этнорелигиозные общины существовали задолго до них в различных странах³.

Н. А. Иванов, рассматривая социально-политическую историю развития системы миллетов, подчеркивает, что она имеет восточную природу, ее культурно-исторические корни очень глубоки и восходят к древневосточному идеалу «Священного царства» — теократического «варианта макросоциума» [5, с. 322].

Османы часто принимали систему правления покоренных народов. К. Абу Джабер отмечает, что «в 1453 г. после завоевания Константинополя Мехмед II одобрил существование миллетной системы, считая ее целесообразной. Османы, будучи воинственным народом, не имели времени и желания вмешиваться во внутренние и личные дела неверных, к которым относились как к людям низшей расы» [6, р. 212].

Говоря об отношении султанов к немусульманским подданным, архиепископ М. Орманян⁴ писал: «Османское законодательство было полностью религиозным, или исламским, и все индивидуальные, социальные и повседневные права были детерминированы исключительно принципами исламской религии. После завоевания исламскими государствами христианских стран эти государства должны были следовать одному из двух принципов — или насильственно навязывать свою религию завоеванным народам, или, второе, дать им возможность самоуправления и особого бытового положения» [8, с. 2151].

В период правления султана Мехмеда II (1444–1446 гг., 1451–1481 гг.) официально были разрешены греко-православный (1453), армяно-апостольский (1461), иудейский⁵ немусульманские религиозные миллеты. До 1831 г., когда армяне-католики⁶ получили статус независимой общины, в Османской империи существовали только эти три миллета. 15 ноября 1850 г. по непосредственной инициативе послов западных держав официально была создана протестантская община. Хотя общине была дарована привилегия и преимущества, она не имела статуса миллета [11, s. 178–179].

---

³ Византийские императоры позволили колониям иностранных коммерческих и религиозных общин обладать значительной степенью автономии в управлении собственными делами. Арабские халифы, приняв эту систему, не принуждали местных жителей завоеванных территорий принимать ислам при условии соблюдения ими установленных мусульманских законов и уплаты соответствующих налогов. Даже до арабов Сасаниды для управления христианскими общинами, живущими на их территории, использовали подобную систему [4, р. 90].

⁴ Известный армянский религиозный и общественно-политический деятель, арменовед, историк, философ, юрист, теолог и публицист архиепископ Магакя (в миру — Погос) Орманян имел ученые степени магистра философии, права и теологии, являлся членом Римской академии богословия. 6 (18) ноября 1896 г. М. Орманян был избран патриархом армян Константинополя. В этой должности он находился до 16 (28) июля 1908 г. Его перу принадлежит большое число трудов по истории армянской церкви, проблемам теологии, истории и культуры армянского народа. Среди них — трехтомник «Азгпатум», «Айапатум», «Бедствие турецких армян. Исторические документы», «Раздумья и заветы в последний период жизни», «Армянская церковь и ее история» [7].

⁵ И. Л. Фадеева пишет, что есть сведения, согласно которым иудейский миллет формально сложился к 1493 г. или даже позднее [9].

⁶ Отношение к католическому миллету не было однозначным. Об этом в «Тарих-и Джевдет» написано: «Патриархи — духовные лидеры армян и греков находятся в Османской империи, а католическая церковь подчиняется иностранному (чужому) духовному лидеру. В большинстве западных государств придерживаются этой веры. В восточных странах принадлежность небольшой общины подданных Османской империи чужой церкви считается политическим мятежом» [10, s. 159].

К 1914 г. в империи насчитывалось уже семнадцать независимых миллетов, каждый из которых находился под защитой иностранной державы. Система миллетов просуществовала до распада империи в годы Первой мировой войны [6, p. 214].

А. Д. Новичев систему миллетов характеризует как «вспомогательное орудие для того, чтобы держать в подчинении покоренное немусульманское население» [12, с. 72].

По сути система миллетов была религиозно-политической организацией, которая давала возможность немусульманским подданным регулировать проблемы внутри сообщества при условии признания верховной власти султана и уплаты подушной подати. Патриархи и высшее духовенство были освобождены от налогов, а остальные, платя подушный налог (*джизие* (جزية))⁷ и поземельный налог (*харадж* (خراج))⁸, взамен получали неприкосновенность личности и имущества, а также право исповедовать свою религию. Глава миллета (*Millet başı*) — религиозный и светский руководитель избирался членами миллета и утверждался султанским бератом (султанская грамота), и только после этого приступал к своим обязанностям.

Свои полномочия — как и повсюду в Османской империи — миллет баши осуществлял совместно с диваном миллета, куда наряду с религиозными сановниками могли входить представители мирян [5, с. 9].

К сожалению, не сохранились бераты⁹, выданные султаном Мехмедом II патриархам армянской апостольской церкви и греческой православной церкви. С помощью более поздних ферманов и бератов можно попытаться восстановить их примерное содержание, потому что каждый султан в своем берате признавал права миллетов, установленные предыдущими султанами. Однако, как утверждает И. Л. Фадеева, те или иные привилегии, дарованные общинам, зависели от прихоти султана. Послабления той или иной общине могли быть аннулированы в любое время [15, с. 9].

Содержание бератов, выданных султаном армянским патриархам, показывает, что каждый новый патриарх, избранный общиной, для получения султанского берата о назначении на должность должен был внести 100 тысяч акче в султанскую казну. Патриарх также был обязан собирать налог *Mir-i mukataa*¹⁰ (100–140 тысяч акче)

---

⁷ До XVI в. в Османской империи этот налог назывался *харадж*, а сборщики налога — *хараджи*. Впоследствии он стал называться *джизие*, сборщики налога — *джизиедар* [13, p. 209]. Прибыль, полученная с этого налога, восполняла главную казну империи. Это был самый тяжелый налог не только из-за отсутствия точного размера, но и потому, что он давал возможность открыто грабить население. Джизие требовали не только от своих граждан, но и от эмигрантов, а так же от людей, покинувших данное место жительства, и даже взамен умерших, если их имена не были исключены из налоговых списков [14, s. 107].

⁸ Первоначально означал любой налог и дань с покоренных и употреблялся как синоним *джизие*, особенно в тех случаях, когда дело касалось не налогов, собираемых в центре Халифата, а дани поступавшей по договорам, сбор которой производился вассальными правителями, когда действительно нельзя было отличить поземельный налог от подушной подати. Система обложения *харадж* в большинстве областей восходит к византийским нормам. В первые десятилетия считалось, что *харадж* платят только иноверцы, а мусульмане — *ушр* — десятину. Однако увеличение числа новообращенных грозило серьезным сокращением поступлений, поэтому утвердилось представление (какой-либо законодательный акт по этому поводу неизвестен), что статус хараджных земель неизменен и не зависит от религии землевладельца или арендатора [1, с. 273].

⁹ Жалованная грамота турецкого султана, предоставляющая кому-либо особые права и имущества.

¹⁰ Термин употребляется во многих значениях. Из них наиболее распространенные в аграрном законодательстве: 1. Земля и другие виды собственности (рыбные, соляные и др. промыслы, тамо-

от общины и отдавать правительству. Как справедливо отмечает А. Папазян, это обстоятельство стало причиной того, что султаны часто меняли патриархов, поскольку каждый новый патриарх приносил казне 100 тысяч акче [17, с.35]. Кроме этого, патриархи для получения берата о назначении на должность должны были платить еще 500 курушей великому визирю и 250 курушей заместителю визиря [18, с.197].

Часто для получения султанского берата претенденты на патриарший престол дарили высокопоставленным чиновникам дорогие подарки и давали взятки. В результате на патриаршем престоле нередко оказывались священнослужители-марионетки, которые были орудием в руках султанов. Иногда Порта отказывалась утвердить того или иного кандидата на должность главы миллета, таким образом вмешиваясь в избирательный процесс. Однако пока патриархи были лояльны по отношению к султану, они были свободны в управлении делами своих общин. В свою очередь руководство миллета, чтобы подчинить себе непокорное население провинции, могло полагаться на гражданских представителей султана, т. е. на губернаторов и кади [19, р. 274].

И. Л. Фадеева замечает, что функции османского государства в отношении немусульманских подданных на протяжении нескольких столетий заключались лишь в защите их от внешней и отчасти внутренней агрессии [15, с.9]. Стоит отметить, что при Порте делами миллета занимался *реис-уль-киتاب* (министр иностранных дел) [6, р. 216].

Хотя народы различных конфессий жили в одном государстве¹¹, фактически они следовали разным внутриобщинным законам и обычаям, что порождало постоянные межобщинные конфликты. Но ни одна община не могла нарушать нормы, предписанные ей исламом [19, р. 274]. Лишь в вопросах экономической и политической жизни, а также в межконфессиональных конфликтах решающее слово принадлежало муллам, мусульманской власти вообще [5, с. 324].

Члены миллетов имели право внутри общины говорить на родном языке и могли способствовать развитию собственных религиозных, культурных и образовательных институтов. В гражданских делах, связанных с браком, разводом, наследованием имущества, образованием, благотворительностью и др., миллет обладал самостоятельной юрисдикцией. До 1862 г. некоторые миллеты имели даже уголовную юрисдикцию [6, р. 215]. Судопроизводство, структурно входившее в состав османской административной системы, осуществлялось со значительной степенью автономии от государства, что делало его важным фактором поддержания порядка и стабильности [21, с. 28].

После того как жалобы и прошения членов миллета, направленные главе миллета или совету миллета, обсуждались на совете, глава миллета подавал эти документы в султанскую канцелярию.

Со времен правления султана Мехмеда II до 24 марта 1657 г. греческого патриарха, избранного общиной, принимал сам султан, но после того как 24 марта 1657 г. грече-

---

женные сборы и т. п.), доходы с которых отданы казной на откуп. 2. Доходы или налоги, получаемые с указанных видов владений. 3. Налоги, поступающие с отдаленных областей и районов, без разделения на отдельные статьи (*бер веджх-и макту*) в виде ежегодной дани [16, с. 207].

¹¹ В этническом отношении империя представляла собой конгломерат 60 народов и племен, находящихся на различных ступенях социально-экономического и политического развития, принадлежащих к разным типам культурных и конфессиональных общностей [20, с. 19].

ский патриарх Парфений III был казнен за то, что он подстрекал княжество Валахии и Молдавии к восстанию, патриархов начали принимать великие визири. Это стало законом, который существовал до начала танзиматских реформ в XIX в. [22, с. 324–325].

В изучении истории создания армянского миллета есть некоторые традиционно принятые, но, увы, устаревшие подходы, которые нуждаются в переосмыслении. Армянские историки А. Перперян [23, 24], Г. Бардакчян [25], А. Харатян [26, 27] в своих трудах достаточно обоснованно подвергают эти подходы критике.

В журнале «Шогакат», изданном Константинопольским Армянским Патриаршеством, написано: «Армяне Константинополя при непосредственном надзоре султана Мехмеда нашли в столице новое подходящее место для развития общины. Вскоре, благодаря религиозной свободе и образованию, которые поощрялись Константинопольским Армянским Патриаршеством, сформировалась весьма организованная сплоченная армянская община. Основанное в 1461 г. Армянское Константинопольское Патриаршество (во главе с Овакимом) приравнялось в правах с Греческим Патриаршеством. Таким образом, патриарший престол из Кютахи был переведен в Бурсу, а потом в Константинополь» [18, с. 2, 22].

Б. Брауд считает, что истории, связанные с созданием этих традиционных трех миллетов, включают в себя множество мифов, придуманных самими общинами [3, р. 77–83]. Хотя в этом и есть доля правды, нам представляется, что Б. Брауд излишне категорично заявляет об этом.

Армянские источники свидетельствуют, что армянская община возникла в Константинополе задолго до завоевания города турками. А. Харатян, ссылаясь на один из этих источников, в котором упоминается некий константинопольский архиепископ Закария (1403) из села Мгунк, приходит к выводу, что сам факт пребывания в Константинополе армянского архиепископа подтверждает и существование армянской общины [27, с. 51, 70]. Согласно А. Албояджяну, формирование армянской диаспоры Константинополя начинается со второй половины 1450 г. и заканчивается в XVII в. Изначально армяне переселились в Константинополь из Анкары, Бурсы, Карамана, Токата, Сиваса, Кайсери, Трабзона, Кафы, Амасии [28, с. 291]. Впоследствии, когда в 1510 г. начались турецко-персидские войны, османские султаны переселили в Константинополь часть населения из Тебриза, Нахичевани, Еревана и Арцаха [27, с. 51, 70].

Согласно традиционной точке зрения, султан Мехмед II после завоевания Константинополя поселил армян в городе, противопоставив их грекам. Однако А. Перперян обоснованно опровергает эту точку зрения, замечая, что изначально переселенные армяне не превосходили греческое население по своей численности. В свою очередь греки, уступающие по своей численности туркам, и кроме того лишённые с тех пор политической свободы и имеющие только духовного лидера, не представляли серьезного препятствия для османов [24, с. 214–216].

Другое дело, что османы, руководствуясь девизом «разделяй и властвуй», часто сеяли разногласия и были причиной раздоров среди немусульманского населения империи. Например, поводом для разногласий между армянами и греками могли быть необоснованные действия османов по конфискации церкви или поместья, принадлежавшего армянам, и передаче его грекам и наоборот.

Г. Бардакчян, ссылаясь на М. Чамчяна, отмечает, что первоначально община константинопольских армян называлась «Altı Семаат» (шесть общин), затем она бы-

ла официально переименована в «Ermeni Milleti» (армянкий миллет). Армянская община упоминается как «Altı Semaat» в берате, выданном армянскому патриаршеству в 1764 г. [25, p. 91–92].

А. Перперян оспаривает также тот факт, что султан Мехмед II признал Овакима патриархом константинопольских армян, дав ему власть над армянами Западной Армении и Малой Азии. Исследователь, ссылаясь на армянскую рукопись 1543 г., приходит к выводу, что первым духовным лидером, считавшим себя патриархом, был Преподобный Аствацатур (1538–1543), преемник Григора мархаса (1526–1537), который занимал должность духовного лидера в период правления султана Сулеймана Великолепного (Кануни) (1520–1566). До Аствацатура духовный лидер назывался мархаса (marhasa) [17, с. 347–378].

А. Харатян считает, что впервые слово «патриарх» встречается в рукописях периода 1526–1540 гг. Он обосновывает свою гипотезу тем, что на рукописном Евангелии (1540) есть надпись: «в период правления султана Сулеймана и во время патриаршества Преподобного Аствацатура» [25, с. 347–378]. Что же касается прав и власти Овакима, Г. Бардакчян считает, что если султан Мехмед II назначил Овакима патриархом армян, которых переселял из Анкары и Бурсы, то, по всей вероятности, его влияние распространялось и на представителей армянской общины Константинополя, Галаты и, возможно, Ускудара [10, s. 91–92].

Если в самом начале истории создания патриаршества власть армянского патриарха распространялась на армян, то вскоре ситуация изменилась. Христиане азиатских и африканских провинций Османской империи — копты, яковиты, марониты и несториане, которые не были ни православными, ни армянами, официально находились если не под духовным, то под политическим руководством армянского патриарха. Таким образом власть стремилась защитить традиционное духовенство от католиков [19, p. 273]. Под духовным руководством армянского патриарха находились также грузины, цыгане, ассирийцы и албанцы (кавказской Албании) [29, с. 35].

Со временем османские правители кроме трех традиционных миллетов признали и другие, защищая тем самым свои политические интересы. Так, например, султан Сулейман Первый, основав Святую славянскую церковную иерархию, явно рассчитывал на лояльность и помощь славянской православной патриархии в случае, если Священная лига захочет отобрать у империи Балканы [30, p. 144–145].

Заметим, что полуавтономный статус христианского миллета не означал еще его полного равноправия с подданными империи. Права миллетов не должны были находиться в противоречии с принципами шариата. Мусульманский миллет безусловно доминировал над немусульманским населением империи. Турецкий историк Э.З. Карал отмечает: «В Османской империи мусульманское население считалось “привилегированным” классом, а немусульмане — “низшим” сословием» [31, s. 595].

Чтобы символизировать верховенство ислама, был введен целый ряд ограничений и запретов: постройка новых церквей запрещалась, а для ремонта старых церквей требовалось разрешение. Из султанских ферманов мы узнаем, что комитет, составленный исключительно из мусульман, проверял и протоколировал подлежащие реставрации здания и постройки и затем предоставлял лицензии с тем условием, что при реставрации будут использованы прежние материалы и сохранены те же размеры [32, с. 67].

Существовали и запреты на ношение немусульманских национальных одеяний. В. Гордлевский пишет об этих запретах следующее: «Внутри страны (Малой Азии) христианам было запрещено носить черную ткань, но ее старались заменять темно-синей или пестрой. Запрещается носить яркие цвета; запрещается носить красный цвет» [33, с. 58].

В своем указе, направленном к Константинопольскому кади, султан Селим II определил тип немусульманских национальных одеяний. Этот ферман был переведен с османского А. Папазяном: «До этого был мой императорский указ, который запрещал евреям, христианам и другим неверным ношение готовой, высококачественной одежды...» [17, с. 214]. Запрет объяснялся тем, что из-за этого якобы растет цена на дорогие ткани в стране.

Р. Дэвисон считает, что «в самом деле, в Османской империи неэффективное, коррумпированное правительство оказывало более сильное воздействие на турок, мусульман и арабов, чем на христиан» [34, р. 845]. Но аргументы Р. Дэвисона вызывают сомнение, поскольку, как свидетельствуют исторические источники, ограничению в правах в Османской империи подвергались также и немусульмане, хотя формы этого давления могли различаться.

В XIX в. в жизни немусульманских народов империи отмечается общественная активность и пробуждение национального самосознания, которому способствовали миллеты. В среде миллетов благодаря миссионерам и индивидуальным связям распространились идеи равенства и свободы, популярные в то время в Европе. Также европейское влияние проявилось и в повышении уровня образования и грамотности, поскольку состоятельная молодежь имела возможность получить хорошее образование в Европе.

Эти факторы, наряду с национально-освободительной борьбой немусульманских подданных, явились поводом для активного вмешательства сверхдержав во внутренние дела империи. Нарастает влияние европейских государств на немусульманских подданных султана. Под предлогом защиты последних европейские державы вмешивались во внутренние дела Османской империи.

Чтобы ограничить влияние Запада, османское руководство применяло репрессивные меры против миллетов, пытаясь ограничить их власть [6, р. 218]. Еще в конце XVIII в. представители османской бюрократии поняли, что, избавиться от европейского вмешательства и вызванных им восстаний национально-освободительного характера возможно только путем упорядочения взаимоотношения христиан и государства, удовлетворив их минимальные требования.

По сути султанские рескрипты 1839 и 1856 гг., ограничивая религиозную и культурную автономию миллетов, закрепляли чувство лояльности немусульман к империи, в то время как в европейских провинциях империи усиливались националистические настроения немусульманских подданных. На самом деле учрежденное танзиматом равенство не было реализовано, а со временем пропасть между мусульманами и немусульманами росла.

В рамках *Хатт-и шериф* (Islahat fermanı — фирман о реформах), принятого 28 февраля 1856 г., указом султана были утверждены специальные регламенты, определившие статус немусульманских религиозных общин — греко-православной, армяно-апостольской и еврейско-эспаньольской. Отныне светскими делами общин должны были руководить гражданские советы. Однако на самом деле советы попа-

дали под контроль султанской администрации, которая стремилась превратить эти органы в послушный инструмент и использовала свое орудие в борьбе с национально-освободительными устремлениями нетурецких народов [35, с. 194].

Проанализировав вышесказанное, можно сделать вывод, что система миллетов представляет собой некую форму политического компромисса, целью которого является смягчение противоречий между различными этноконфессиональными группами и сохранение стабильности государства.

На первый взгляд, систему миллетов можно считать безупречной для управления немусульманской частью населения империи, так как, во-первых, система обеспечивала некое внутреннее самоуправление для членов миллета: немусульманские подданные империи внутри общины соблюдали свои традиции и жили по своим законам, в то же время подчиняясь законам и традициям империи, а во-вторых, она подстраивалась под интересы Порты. Однако, как справедливо замечает Р. Сафростян, система миллетов исполняла бы свои функции должным образом, если бы этому содействовали центральное правительство и военные силы [36, р. 203].

В Османской империи наблюдалось частое вмешательство властей во внутреннюю жизнь миллета. Наделяя немусульман светской и духовной властью, османские султаны таким образом стремились держать своих подданных в покорности, уменьшить вмешательство других государств во внутренние дела империи, для чего и использовался авторитет патриархов. Сам факт, что при назначении патриарха последнее слово оставалось за султаном, говорит о том, что свобода и независимость общин были относительными. Роль лояльных патриархов особенно увеличилась, когда в среде немусульман империи стало заметно возрастать влияние иностранных государств. Кроме того, султаны часто сменяли патриархов, вымогая у каждого нового патриарха деньги за утверждение его на должность. Этот факт свидетельствует о том, что смена патриархов была своего рода источником финансирования султанской казны.

Литература

1. Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. 311 с.
2. The Encyclopaedia of Islam / ed. by P. J. Bearman, Th. Bianquis, C. E. Bosworth, E. van Donzel and W. P. Heinrichs. Vol. 7. Leiden; New York: E. J. Brill, 1993. 1113 p.
3. Braude B. Foundation myths of the Millet system // Christians and Jews in the Ottoman Empire. Vol. 1. New York; London: Holmes & Meier Publishers, 1982. P. 69–87.
4. Levonian L. The Millet System in the Middle East // The Muslim World. 1952. Vol. 42, issue 2. P. 90–96.
5. Иванов Н. А. Труды по истории исламского мира. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2008. 501 с.
6. Abu Jaber K. S. The Millet System in the Nineteenth-Century Ottoman Empire // The Muslim World. 1967. Vol. 57, issue 3. P. 212–223.
7. Магакия Орманян // Armenica. Лучший сайт об Армении на русском. URL: <http://armenia.h1.ru/Churchs/Katolicos/deyateli/20.html> (дата обращения: 11.05.2012).
8. Ormanyan M. Azgapatum. II hator. Kostandnupolis: V. Yev N. Ter-Nersesyan, 1912. 2308 ej.
9. Фадеева И. Л. Статус еврейских общин в Османской империи // Лехаим. Ноябрь, 2004. 11 (151). <http://www.lechaim.ru/ARHIV/153/osman.htm> (дата обращения: 29.04.2012).
10. Cevdet A. Tarih-i Cevdet [Tarih-i vekayi-i devlet-i aliyye]. С. 1. 327 sh.
11. Bozkurt G. Alman-İngiliz Belgelerinin ve Siyasi Gelişmelerin Işığı Altında Gayri Müslim Osmanlı Vatandaşlarının Hukuki Durumu 1834–1914. Ank.: TTK yayını, 1989. 237 sh.
12. Новичев А. Д. История Турции. I. Эпоха феодализма (XI–XVIII века). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1963. 314 с.

13. *Elitaş C., Güvemli O.* Accounting method used by Ottomans for 500 Years: Stairs (Merdiban) Method. Ank., 2008. 660 p. URL: <http://www.scribd.com/doc/25974628/Ottoman-Empire-Accounting-Method-for-500-Years> (дата обращения: 05.05.20012).
14. *Inalcık H.* Osmanlı İmparatorluğunun Ekonomik ve Sosyal Tarihi. C. 1 (1300–1600). İst.: Eren Yay, 2004. 480 sh.
15. *Фадеева И. Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм-панисламизм), XIX — начало XX в. М.: Наука, 1985. 268 с.
16. *Тверитинова А. С.* Аграрный строй Османской империи XV–XVII вв. Документы и материалы. М.: Изд-во «Восточная литература», 1963. 224 с.
17. *Papazyan A.* Turkakan vaveragrery Hayastani yev hayeri masin (16–19-rd darer). Yegea, Yerevan, 1999. 284 ej.
18. Shoghakat kronabaroyakan, grakan yev patmabanasirakan pashtonatert S. Khach Dprevanuts patriarkutyun hayots Turkio, JA tari, tiv 2, hulis-dektember 1962. 120 ej.
19. The Cambridge History of Turkey, The Later Ottoman Empire (1603–1839) / ed. by Suraiya N. Faroqhi. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University press, 2006. 619 p.
20. *Сафрастян Р. А.* Доктрина Османизма в политической жизни Османской империи. Ереван: Изд-во АН АССР, 1985. 147 с.
21. *Зеленев Е. И.* Государственное управление, судебная система и армия в Египте и Сирии (XVI–начало XX века). СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 2003. 419 с.
22. *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı Tarihi. III c. I. kısım. Ank.: TTK yayını, 1988. 598 sh.
23. *Perperyan H. K.* Polso Hayots patriarkutean himnarkutyuny // Handes amsorya. 1964. N 7–9. ej. 337–350, 498–510.
24. *Perperyan H.* Istanbul hay bnakchutyuny kaghaki gravumen minchev Fatih Mehmed II-I mahy // Handes amsorya. 1962. N 1–4. ej. 213–227, 405–424.
25. *Bardakjian K. B.* The rise of the Armenian Patriarchate of Constantinople // Braude B., Lewis B. Christians and Jews in the Ottoman Empire. Vol. 1. New York: Homes & Meier, 1982. P. 89–100.
26. *Kharatyan A.* Kostandnupolsi hay patriarkutyun kazmavorman shurdj (XV–XVII) // Lraber hasarakan gitutyunneri. Yer., 2002. N 2. ej. 8–24.
27. *Kharatyan A.* Kostandnupolsi hay gaghtojakhy (XV–XVII dd.). Yer.: YPH hrat., 2007. 472 ej.
28. *Alpöyachian A.* Turkio hayots patriarkutyun. 1908 Yndardzak oratsuyts S. Prkchean hivandanotsi hayots // The Yearbook of Holy Cross Armenian Hospital, 1908] K. Polis. 1999.
29. *Eryılmaz B.* Osmanlı Devletinde Gayrimüslim Tebaanın Yönetimi. İst.: Risale, 1996. sh. 240.
30. *Goffman D.* Ottoman Millets in the Early Seventeenth Century // New Perspectives on Turkey. 1994. N 11. P. 133–158.
31. *Karal E. Z.* Gülhane Hatt-i Hümayûnunda Batının Etkisi // Türk Tarih Kurumu. 1964. Belleten c. XXVIII. sayı 112. sh. 581–601.
32. *Papazyan A.* Voch turk azgeri iravazurk vichakn Osmanyen kaysrutyunum yev tanzimaty // Arevelagitutyun hartser. Yer.: EPH hrat., 1983. pr.1–2. ej 63–80.
33. *Гордлевский В. А.* Избранные сочинения (Этнография, история востоковедения, рецензии). Т. IV. М.: Изд-во вост. лит., 1968. 360 с.
34. *Davison R. H.* Turkish attitudes concerning Christian-Muslim equality in the nineteenth century // The American Historical Review. Jul., 1954. Vol. 59, N 4. P. 844–864.
35. *Петросян Ю. А.* Османская империя. Могущество и гибель. М.: Наука, 1990. 280 с.
36. *Safrastyan R.* Armenians and Turks: Contacts in history from Seldjukides times up to the End of the 19-th century // Turkish and Ottoman Studies. Yer., 2006. Vol. 4. P. 197–206.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2013 г.